

Подобрать подходящие слова: почему психологу полезно быть и «физиком», и «лириком»

Мусс А.И.

В данной статье рассматривается вопрос о том, насколько терминология и дискурс конкретной научной области в целом влияют на существующие вокруг нее дисциплинарные границы, а также изучаются возможности и ограничения существующих исследовательских подходов. Влияние дискурса на сферу конкретной науки показано на примере анализа дискурса Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы и экспликации его философских оснований. При помощи данного подхода выявлены возможные методологические основания данной школы и способы их связи, даны оценки возможности преобразования такого дискурса с помощью обращения к актуальным достижениям философии и других научных направлений. Таким образом, в отношении психологии продуктивными могут оказаться идеи, связанные с лингвистическим и антропологическим поворотами в философии и науки, методологические и методические разработки социальных и культурных антропологов, а также историков.

Ключевые слова: философия науки, позитивизм, постпозитивизм, научный кризис, археология знания, психологический дискурс, Ленинградская (Санкт-Петербургская) психологическая школа.

Введение

Разительное отличие в оценке карьерных перспектив ученых-естественников и ученых-гуманитариев, с явным одобрением первых и пренебрежительным

Мусс Александр Игоревич, к.филос.н., старший преподаватель каф.общей психологии факультета психологии СПбГУ, адрес для корреспонденции:
albertwanderer@gmail.com

Статья поступила в редакцию 29.10.2021, принята к публикации 10.12.2021

© А.И.Мусс

отношением ко вторым, в настоящее время остается устойчивым как за пределами собственно научного дискурса, так и внутри него. При этом, на фоне существующих представлений в позитивистской философии науки некоторые склонны отказывать гуманитарным наукам в научном статусе.

Не пересказывая многочисленные ограничения такой позиции и такого отношения к гуманитарным наукам, в рамках данного текста я хотел бы, напротив, показать взаимную близость гуманитарных и естественных наук (не пытаясь пока критически осмыслить современное состояние подобного разделения, а также вопроса об определении науки) в том отношении, которое роднит, на мой взгляд, науку с мастерством литератора. Это общее место — *поиск подходящих слов для называния того, о чем идет речь*.

И если в отношении литературы больше об этом вопросе поиска подходящих слов как раз могут сказать исследователи, работающие с изданными текстами и авторскими черновиками, то в отношении естественнонаучного познания у нас сравнительно немного данных, среди которых наиболее яркий пример — наличие нескольких интерпретаций квантовой механики в том смысле, что одни и те же опытные факты объясняются различным образом в естественной науке. Таким образом, наличие определенных явлений, принятых и обоснованных способов их изучения, математической обработки данных не гарантируют единственно правильного способа интерпретации таких данных.

В более общем виде вопрос о том, как терминология и дискурс определяют научное познание, поднимался еще в работе М. Фуко «Слова и вещи» (Фуко М., 1977): название научной области, выражая определенный способ связи слов и вещей в конкретную эпоху, задает определенные дисциплинарные границы, наличие которых позволяет рассматривать разнообразные явления как схожие или различные. Примером этого может служить приведенный у Фуко переход от естественной истории к биологии и истории как к отдельным научным областям: в результате создается как бы разрыв между антропогенезом и историческим процессом, который позволял еще в первой половине XX века говорить об окончании биологической эволюции с началом исторического процесса.

Подобные изменения структуры и границ научных областей показывают, насколько неоднозначным и динамичным может быть процесс появления и развития различных сфер науки, что, в свою очередь, может демонстрировать условность разделения наук на естественные и гуманитарные, а также исходящие из этого представления об исключительной «перспективности» естественных наук и о существовании «спора физиков и лириков». То есть само разделение двух лагерей здесь, на мой взгляд, не позволяет взглянуть на научный процесс, оценивая значение языка как главного инструмента исследователя.

Итак, я предполагаю, что способ названия (в узком смысле — в отношении терминологии, в широком смысле — в отношении построения дискурса, системы высказываний) изучаемых явлений влияет на специфику познавательной активности в различных научных областях. В таком случае психология как наука и прикладная область, изучающая психику и обращающаяся к ней, в том числе с помощью слов, не станет здесь исключением. Попробуем на примере Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы рассмотреть то, как устроен дискурс психологической науки и в чем он определяет мышление психолога. В данном случае такой выбор продиктован, с одной стороны, личным знакомством автора с этой психологической школой, а с другой — желанием увидеть через такой основанный на работах М. Фуко анализ возможности дальнейшего развития психологии с целью предложения решений проблемы сознания — одной из центральных в моих научных интересах.

Психологический дискурс

Ряд современных авторов, прежде всего российских психологов и философов, продолжает говорить о кризисе психологии или даже в целом о нежизнеспособности и кризисном характере этой дисциплины самой по себе (Аллахвердов В.М., 2000). При этом формулировки и выводы таких исследователей существуют параллельно с огромным количеством публикуемых ежегодно научных работ, которые возникают не в вакууме: психология и психологи в своих изысканиях активно сотрудничают с представителями других наук (как естественных, так и гуманитарных). Примерами такого сотрудничества могут служить как плеяда нейрокогнитивных наук (внутри которой уже сложно говорить о привычном разделении на «науки о природе» и «науки о духе»), так и следующие науки: психология искусства, психосемантика, психолингвистика, а также историческая психология, т. е. науки, которые существуют на стыке психологии и других отраслей знания. Более того, нельзя не сказать о практической стороне вопроса: каждый год получают дипломы сотни новых психологов, которые занимаются психодиагностикой и психологическим консультированием, то есть решают прикладные психологические задачи.

Получается, что одновременно с существованием кризиса (или кризисного состояния, или перманентного кризиса) психологии нельзя не признать, что она функционирует; в рамках данной науки готовятся академические и прикладные специалисты, решаются исследовательские и практические задачи. С чем связана simultанность оценки состояния психологической науки как кризисного и высокой академической и прикладной активности специалистов-психологов?

Этот вопрос требует более глубокого анализа текущего состояния психологии, в рамках которого стоит в равной степени обратиться к тому, как совре-

менная психология описывается и преподается студентам, а также к тому, на какие философские основания опираются данные представления.

Для примера обратимся к личному опыту освоения автором данного текста базовых курсов по психологии в дискурсе Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы (Мусс А.И., 2018), рассмотрев 1) основные представления о психологии как о науке в содержании курсов общей и экспериментальной психологии, 2) основные философские посылки и допущения, на которые эти представления опираются. Выбор именно этих двух курсов связан с тем, что они являются наиболее базовыми, а также изучаются большинством студентов независимо от программы: общую и экспериментальную психологию осваивают в равной мере и бакалавры общей психологии, и специалисты в области клинической психологии и психологии служебной деятельности).

Психологический дискурс Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы в рамках курса общей психологии выдвигает следующие ключевые для науки и школы идеи. Во-первых, вслед за работами Б.Г. Ананьева (1968) и его учеников (Веккер Л.М., 1998) подчеркивается центральное положение психологии среди естественных и гуманитарных наук (т. е. центральное и в общей системе наук, и в вопросах изучения человека); в качестве предмета психологии рассматриваются психические явления, различные по своей длительности, а именно психические процессы (определяемые через понятие «отражение»), а также состояния и свойства. Все эти явления, с одной стороны, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и, с другой стороны, могут быть измерены как через различные физиологические параметры (например, выраженность различных ритмов головного мозга, показатели ЧСС и КГР), так и через собственно психологические параметры, которые могут быть получены с помощью опросников, различных тестовых методик, проективных методов и в результате анализа продуктов деятельности (например, выраженность тревожности, уровень интеллекта и степень хронического утомления).

Из этого, возможно, несколько сумбурного списка положений можно выделить следующие посылки и допущения:

1. Существуют различные науки, прежде всего естественные и гуманитарные, которые организованы определенным образом и как-то соотносятся друг с другом;

2. Психология также является наукой; в общей системе наук она является и естественной, и гуманитарной, и среди этих наук занимает центральное место;

3. Психология изучает психику (точнее, психические явления), то есть ту (устойчивую, поддающуюся исследованию) часть психики, которая доступна опытному изучению и измерению. Таким образом, психика хотя бы частично, но познаваема;

4. Основой психики являются физиологические процессы в нервной системе, а субъективный опыт связан с объективным миром через принцип отражения (субъективное — неполное, искаженное вследствие индивидуальных особенностей человека объективное);

5. Психику человека целесообразно рассматривать в качестве сложной системы в ее взаимодействии с организмом, с биологической и с социальной средой, включая других людей. В отношении системной организации также можно сказать, что у каждого психического явления в общей структуре есть конкретное, жестко закрепленное за ним место;

6. При этом описание психических явлений с помощью человеческой речи допустимо; более того, опрашивая человека о его поведении, мыслях и чувствах, можно дать оценку характеристикам его психических явлений.

Этот «базовый» набор посылок и допущений, который, по большей части, достаточно легко извлекается из тех общих идей о психологии, которые студенты начинают усваивать еще с первого курса. Здесь важно подчеркнуть, что при более детальном анализе на основании этих посылок и допущений можно выделить более общие представления о мире, о человеке и о месте человека в этом мире. То есть, перед нами своеобразная имплицитная модель, выделение которой может быть полезно не только для исследований на стыке психологии и философии, но и для анализа актуальных методологических проблем и поиска их решений внутри самой психологии.

Очень важным моментом здесь является то, что в основе психологической науки и психологического исследования лежат допущения о познаваемости психики, измеримости ее характеристик и рассмотрении в качестве психики взаимосвязанных психических явлений (т. е. психологи изучают в психике то, что поддается опытному познанию), а также возможность достоверного и единообразного описания изучаемого с помощью слов (и последующей формализацией таких описаний для математико-статистической обработки).

В таком подходе, во-первых, просматривается скорее первый позитивизм (Конт О., 2003) с его верой в исключительно опытное познание (вопросы о соотношении опыта, теории и языка — наследие последующих волн позитивизма — не ставятся), и, во-вторых, при этом методологически упускаются два крупнейших для мировой философии и науки происшествия — лингвистический и антропологический повороты, проблематизировавшие язык как инструмент исключительно человеческого познания, обладающий одновременно своей спецификой и имеющий связь с конкретными людьми (Фуко М., 1977), этот язык использующими. Стоит подчеркнуть, что частично с проблемой интерпретации студент-психолог сталкивается несколько позже, когда осваивает вопросы на стыке общей психологии и психологии личности, в том числе знакомясь с многообразием существующих теорий личности.

Содержательно и методологически курс экспериментальной психологии дополняет и усложняет подобную картину. Опора на опытное знание и есте-

ственнонаучный эксперимент — наследие первого позитивизма — в этом отношении дополняется идеями постпозитивистов, прежде всего Томаса Куна и Карла Поппера.

От первого берется понятие парадигмы как принятого стандарта проведения исследования, в чем проявляет себя вопрос об оценке научного познания и его результатов квалифицированным экспертным сообществом; более того, указывается возможность изменения такого стандарта вследствие научного кризиса (о котором, напомню, продолжают говорить отдельные исследователи, тогда как сам Томас Кун относит психологическое знание к допарадигмальному (Кун Т., 2009). Кроме того, важным здесь, на мой взгляд, является также включенность в понятие парадигмы процесса выдвижения и проверки гипотез, что позволяет методологически ориентироваться не только на первый позитивизм, но и на более позднее развитие философии науки.

От второго автора в рамках данного курса разделение стратегий научного познания (в терминах В.М. Аллахвердова, А.С. Кармина и Ю.М. Шилкова (2008) рассматривается вопрос о том, на что опирается научное познание — на поиск подтверждений или поиск опровержений, тогда как сама философия Поппера и разрабатываемая им проблема демаркации — это в большей степени попытка разработать стандарт для научной теории, в том числе требование обязательного наличия в ней утверждений, ее потенциально опровергающих (Поппер К., 1983).

Таким образом, избранные элементы позитивистской и постпозитивистской философии науки в рамках данного курса получают определенную интерпретацию, позволяющую увязать воедино исходные допущения и сформулировать методологические принципы, связанные с необходимостью опытной проверки результатов исследования, а также направленностью таких исследований на критическое рассмотрение сформулированных гипотез. При этом важно учитывать, что те кейсы, которые рассматривали и на которые опирались либо Томас Кун, что Карл Поппер, были взяты из истории физики и связаны либо с Коперником и Галилеем, либо с Ньютоном и Эйнштейном (Поппер К., 1983; Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М., 2008; Кун Т., 2009). То есть более поздние проблемы, связанные с интерпретацией, а также вопросы связи исторического контекста с исследованием, его вписанность в определенную эпоху, язык и культуру (о чем в рамках постпозитивизма рассуждали такие авторы, как Имре Лакатос и Пол Фейерабенд, упоминающиеся гораздо меньше и гораздо позже) остаются за пределами подобного рассмотрения, а процедура планирования, проведения и интерпретации данных эмпирического исследования оказывается вневременной и

универсальной. Столкнуться же с фактической сложностью разработки таких исследований студенты смогут гораздо позже¹.

Также в рамках курса экспериментальной психологии показано, что значительную роль в вопросах организации психологического исследования и в его универсальности занимает математика (точнее, математическая статистика): ее методы лежат в основе обработки данных, а на основании статистических процедур делаются выводы, которые впоследствии интерпретируются исследователями. Более того, многие вопросы планирования психологического исследования начинаются с вопроса о том, каким образом измеряются оцениваемые параметры, т. е. то, в каких шкалах измеряются исследуемые параметры и какие методы позволяют провести, собственно, измерение этих параметров. При этом при переводе параметров из слов в числа также на уровне допущений остается вопрос о значении и смысле этих слов, их тождестве на протяжении всей процедуры исследования, начиная с разработки, проведения, сбора данных, а также их анализа и последующей интерпретации. А в этом процессе, помимо самого экспериментатора, участвуют как минимум его испытуемые, каждый из которых определенным образом интерпретирует используемые в методиках слова.

Параллельно с этим усложняются и сами процедуры: по мере развития самой статистики, вопросов ее применения и использования методов встают новые задачи, и поколение исследователей, которых учили считать только уровень значимости и применять простое и ограниченное количество одномерных методов, сменяется теми, кто умеет предварительно оценить размер выборки, считать размер эффекта, применять различные линейные модели и делать поправку на множественность сравнений.

Таким образом, при опоре на опыт и понятие об опыте, при постоянном усложнении требований к исследованию сама возможность экспериментально психологического исследования с точки зрения описания и интерпретации содержания психических явлений может быть оспорена или пересмотрена с позиции более актуального развития философии и гуманитарных наук, на что стоит обратить внимание.

На этом этапе можно видеть, что «начальные мазки» психологического дискурса, представляемые в курсах общей и экспериментальной психологии действительно очерчивают границы психологической науки в том виде, как ее понимают, а эти границы, в свою очередь, позволяют перейти к тем различным философским идеям и концепциям, на которые данный дискурс опирается, причем увидеть не только возможности такой психологии, но и ограничения, связанные с конкретными философскими посылками (первый пози-

---

¹ Отдельно стоит сказать, что несмотря на то, что в лингвистическом повороте большую роль сыграли именно логические позитивисты, вопрос о теоретизировании и его значении также рассматривается на указанном пути сравнительно мало.

тивизм, познаваемость психики, фиксация на психических явлениях и т. д.) и их интерпретацией, позволившей оформить данную конструкцию в виде целого.

Такая неоднородность, а также неоднозначность интерпретаций вполне соответствует одновременной академической и практической активности: есть необходимое обоснование психологическим исследованиям и практике, есть установленные границы, но при том эти обоснования и границы не являются чем-то универсальным и общепринятым; в том числе есть специалисты, не согласные с ними и предлагающие в качестве новых оснований и границ свои идеи (Аллахвердов В.М., 2000; Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М., 2008).

При этом относительная устойчивость таких теоретических оснований и их исходных посылок на протяжении длительного времени (часть из них были заложены еще на рубеже 1960-1970 годов) создает ситуацию, когда в рамках текущего психологического дискурса нельзя сказать что-то принципиально новое о человеке, психике и субъективном опыте, не выходя за границу этого дискурса. Поскольку еще со времен гипноза и психоанализа в практической работе психолога и психотерапевта значительное место занимает коммуникация (Фрейд З., 1989; Spanos N.S., 1986), в практической работе оказывается важным не только использовать конкретные методы, но теоретически обосновывать их и уметь описывать для себя и клиента / пациента принципы работы психики и сознания. В этом случае невозможность сказать что-то принципиально новое может рассматриваться как одна из причин существующего в психологии расхождения между академической наукой и практикой: если идеи, сформулированные в данном дискурсе, являются общеизвестными и не могут привнести в речь что-то новое, то вместо такого дискурса активнее будут использоваться альтернативные ему.

Но не стоит рассматривать этот момент в качестве единственной возможной причины. Во-первых, еще со времен физиологической психологии Вундта наша наука была направлена на эмпирическое решение философских проблем (Wundt W., 1874), а практическое применение в ней появилось на несколько десятилетий позже, когда эти вопросы стали разрабатывать многочисленные американские, немецкие и российские ученики Вундта. В то же самое время, психотерапия усилиями З. Фрейда и его учеников развивалась как самостоятельное направление внутри медицины, которое использовало в том числе и психологические знания, однако решало другие познавательные и практические задачи (Фрейд З., 1989). То есть такое разобщение теории и практики было, по-видимому, заложено в психологию еще с момента ее формирования в виде физиологической психологии.

Показателен здесь также пример другой науки, чей дискурс до определенной степени совпадает с психологическим, а именно социальной и культурной антропологии. Если в качестве одной из ее программных работ рассмат-

ривать «Ум первобытного человека» Ф. Боаса (Боас Ф., 1926), то в современном виде эта ветвь антропологии возникла значительно позже психологии, во втором десятилетии XX века. При этом одновременное присутствие в ее проблематике как фундаментальной, философской проблемы человека, так и прикладных вопросов, связанных с пониманием представителей других культур, позволило уже в конце 50-х годов внедрить в нее методы кибернетики и структурной лингвистики (Леви-Стросс К., 1985), а в последующие годы перейти к рассмотрению отдельных групп людей уже в рамках одной культурной общности, например, в виде аутоантропологии (Allen D.C., 2015).

Получается, что в этом отношении психологический дискурс рассматриваемой школы, с одной стороны, является границами, которые обеспечивают саму возможность психологического исследования, связывают воедино разнородные методы и получаемые данные, но при этом такой подход сам опирается на концепции научного познания, которые не являются единственными возможными и универсальными. Иными словами, за счет таких формулировок создается определенность в вопросах определения объекта и метода исследования, определенность, позволяющая планировать и проводить исследования, однако при этом за пределами установленных границ остается огромное пространство неизведанного, но достижимого на стыке психологии с (континентальной) философией и гуманитарными науками, в особенности с историей и антропологией. Более того, интересно то, насколько может быть преобразован и дополнен подобный дискурс с учетом развития философского и научного знания за последние десятилетия.

Заключение

Если говорить о большей мере обобщения, то психология (во всяком случае, описанный сложившийся психологический дискурс) во многом опирается на понятие опыта: мы-психологи, вслед за Вундтом, говорим о результатах сочетания внешнего и внутреннего наблюдения как о чем-то объективном, универсальном и общезначимом. Таким образом, опытное познание выступает здесь в качестве гаранта объединения того, что называется физиологическими и психическими процессами, а сами эти процессы рассматриваются как доступные такому познанию. Более того, даже разговор о сознании в данном случае может сводиться к познаваемым в опыте процессам, а также к поиску необходимого физиологического субстрата. В свою очередь, применение современных математико-статистических методов к определенным таким образом данным позволяет успешно связывать друг с другом измеряемые параметры.

Но, если подключать к вопросу знание не только естественных наук, но также философии и наук гуманитарных, то здесь же встает вопрос, актуальный со времен критической философии Канта: остается ли что-то за пределами возможного опыта и как изменится наша система высказываний, если

добавить к ней вопрос о существовании вещей в себе, а также разделение уровней познаваемого на эмпирический, трансцендентальный и трансцендентный?

Кроме того, может также вставать вопрос о сложности рассматриваемого объекта исследования: в зависимости от того, какими словами мы называем и описываем то, что исследуем, мы задаем границы, получая определенные возможности, однако неизбежно встречая ограничения.

В этих вопросах, в вопросах теоретических возможностей, в вопросах понимания, а также активного включения в научный процесс, уточнения, пересмотра и создания новых теорий ясно вычерчивается тот горизонт возможностей, который открывается перед психологом, если он грамотно сочетает в себе и физика, и лирика.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. — СПб.: ДНК, 2000. — 528 с.
2. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип проверяемости. Часть III. Стратегии независимой проверки // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. — N 2. — С. 175–185.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. — 338 с.
4. Боас Ф. Ум первобытного человека. — М., Л., Государственное издательство, 1926. — 154 с.
5. Веккер Л.М. Психика и реальность. — М.: Смысл, 1998. — 685 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 256 с.
7. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 317 с.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 536 с.
9. Мусс А.И. Опыт концептуализации модели человека в когнитивной науке. — дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербургский. гос. университет, Санкт-Петербург, 2018. — 254 с.
10. Поппер К. Логика и рост научного исследования. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ. — М.: Наука, 1989. — 456 с.
12. Фуко М. Слова и вещи. — М.: Прогресс, 1977. — 488 с.
13. Allen, D.C. Learning autoethnography: A review of autoethnography: Understanding qualitative research // The Qualitative Report. 2015. N 2. pp. 33–35.
14. Spanos, N.S. Hypnotic behavior: A social-psychological interpretation of amnesia, analgesia, and «trance logic» // The behavioral and brain sciences. — 1986. — N 9. — pp. 449–502.
15. Wundt, W. Grundzüge der physiologische Psychologie. — Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.

The Word Choice: Psychology between Science and Humanities

Received: 29 October 2021; Accepted: 10 December 2021

Muss Alexander

Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, Russia
Correspondence to: albertwanderer@gmail.com

This article examines how the terminology and discourse of a particular scientific field affect the existing disciplinary boundaries. Moreover, it shows how to estimate the possibilities and limitations of existing research approaches. As an example, we use analysis of the discourse of the Leningrad (St. Petersburg) psychological school and highlighting its philosophical and methodological foundations. The proposed approach allows identifying methodological foundations and their connections. This approach also helps to highlight the possibilities of transforming such a discourse by referring to the current achievements of philosophy and other scientific areas. Thus, ideas related to linguistic and anthropological turns in philosophy and science, as well as methodological developments of social and cultural anthropologists and historians, can be productive to contemporary psychologists.

Keywords: philosophy of science, positivism, post-positivism, scientific crisis, archeology of knowledge, psychological discourse, Leningrad (St. Petersburg) psychological school

References:

1. Allakhverdov, V.M. (2000). *Soznanie kak paradoks* [Consciousness as a paradox]. DNK (in Rus.).
2. Allakhverdov, V.M., Karmin, A.S., Shilkov, Yu.M. (2008). Printsip proveryaemosti. Chast' III. Strategii nezavisimoi proverki [The principle of verifiability. Part III. Strategies for independent verification]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2, 175–185 (in Rus.).
3. Allen, D.C. (2015). Learning autoethnography: A review of autoethnography: Understanding qualitative research. *The Qualitative Report*, 2, 33–35.
4. Anan'ev, B.G. (1968) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as the Object of Cognition]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta (in Rus.).
5. Boas, F. (1911). *The Mind of Primitive Man*.
6. Comte, A. (1844). Discours sur l'Esprit positif.
7. Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*.
8. Freud, S. (1916–17). *Einführung in die Psychoanalyse*.
9. Kuhn, T.S. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago.

10. Levi-Strauss, C. (1958). *Anthropologie structurale*. Plon.
11. Muss, A.I. (2018). *The conceptualisation of the model of human in cognitive science*. Candidate of Sciences Thesis. https://disser.spbu.ru/files/2018/muss_disser.pdf
12. Popper, K. (1959). *The logic of scientific discovery*. Hutchinson.
13. Spanos, N.S. (1986). Hypnotic behavior: A social-psychological interpretation of amnesia, analgesia, and «trance logic». *The behavioral and brain sciences*, 9, 449–502.
14. Vekker, L.M. (1998) *Psikhika i real'nost'* [Psyche and Reality]. Smyls (in Rus.).
15. Wundt, W. (1874). *Grundzüge der physiologische Psychologie*. Verlag von Wilhelm Engelmann.